

Русское слово. М.,

1898. 29 декабря. № 361.

С.З.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

«Чайка», пьеса А. П. Чехова.

Послѣ продолжительнаго антракта, только вчера состоялось второе представлѣніе «Чайки» г. Чехова. На первомъ представленіи мнѣ не удалось быть—этимъ объясняется столь позднее появленіе данныхъ строкъ.

Мнѣніе и о пьесѣ, и объ исполненіи ея труппой Общедеятельно-художественнаго театра успѣло уже установиться. Очевидно, мнѣ придется остаться при особомъ мнѣніи. Но... но это не столько право, сколько обязанность рецензента.

Въ Петербургѣ «Чайка» не имѣла никакого успѣха, въ Москвѣ она вызвала настоящій взрывъ энтузіазма. Однако, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ сходятся на томъ, что это—странная пьеса. «Странная»—развѣ не пустое слово подобное опредѣленіе? Иногда, впрочемъ, варьируютъ и говорятъ—«больная» пьеса. Еще менѣе понятно.

Прежде всего, это—и не пьеса вовсе. Много ли движеній въ разработкѣ сюжета, мало ли—боръ съ нимъ, важности и тутъ нѣтъ. Но пьеса предполагаетъ законченный кругъ дѣйствій, психологически и логически правильно вытекшихъ изъ положенія. Въ «Чайкѣ» нѣтъ положеній, нѣтъ, слѣдовательно, и ихъ слѣдствій. «Чайка»—коллекція людей, живыхъ, правдиво нарисованныхъ, но съ однимъ недостаткомъ: они лишены верхнихъ покрововъ, которые остались подъ ножомъ автора-хирурга. Жестокая операція, оттого такъ болезненны и впечатлѣнія зрителей.

Нѣтъ людей абсолютно добрыхъ и абсолютно злыхъ, но нѣтъ людей абсолютно скучающихъ, абсолютно ни на что другое негодныхъ, какъ только на то, чтобы отравлять жизнь другимъ. Если олицетворенія добра и зла напоминаютъ людей въ искусственныхъ покрывахъ сверхъ данныхъ природой, то герои г. Чехова—люди, всѣ нервы которыхъ обнажены. И этимъ людямъ больно при каждомъ движеніи, и навѣ больно смотрѣть на нихъ... Ихъ муки, ихъ горе—правдивыя муки,

правдивое горе, но, если брать и то, и другое отдѣльно отъ общаго. Въ общей же картинѣ это уже не художественная правда, а искусственно созданная обстановка, при которой люди отлекаются авторомъ отъ всей совокупности смягчающихъ и умиротворяющихъ условій.

Эти люди страдаютъ, но мы не вѣримъ ихъ страданій. При данныхъ же условіяхъ эти же самые люди могли бы и не страдать. Зачѣмъ авторъ обманывалъ ихъ нервы? Не будь этого, жизнь наша бы и балованъ противъ начинающихся, но еще не разросшихся мукъ...

Остальное—слѣдствіе этой коренной ошибки. Говорить же о томъ, что по всей пьесѣ разбросаны блестящіе удивительнаго таланта, что отдѣльныя фразы, какъ яркія молніи, мѣстами озаряютъ весь этотъ тяжелый горюхаи искусственно раздутыхъ горя и мукъ, что отдѣльными сценами дышатъ необыкновенною художественною красотой, говорить это, значить еще разъ сказать, что г. Чеховъ—талантливѣйшій писатель нашихъ дней. Но кто этого не знаетъ?

Объ исполненіи скажу кратко: для Общедеятельно-художественнаго театра, не имѣющаго труппы, такая несомнѣнно трудная пьеса, какъ «Чайка», оказалась подъ силу только потому, что режиссура отнеслась къ ней съ рѣдкою чуткостью. Пьесу выразить въ духѣ самой пьесы, а это очень большая рѣдкость на русской сценѣ, столь заведенной рутинѣ. Напрасно только г. Станиславскій беретъ такой приторно-мѣтанный тонъ съ перваго же разговора съ г-жею Роксановой. Въ третьемъ актѣ г. Станиславскій отходитъ отъ этого искусственнаго тона и сразу дѣлается интереснѣе. Въ этомъ же актѣ очень хороша и г-жа Книпперъ. Г-жѣ Роксановой, въ интересахъ дѣла, слѣдуетъ отказаться отъ исполняемой ею роли.

Театръ былъ совершенно полонъ.

Ар.